

Вся наша жизнь —
криминология

Известный криминолог Владимир Семенович Овчинский, возглавлявший в прошлом российское бюро Интерпола, а ныне являющийся советником министра внутренних дел Российской Федерации, в интервью специальному корреспонденту журнала «ЭС» Алине Яким поделился с читателями своим видением развития криминологии в России, подробно остановившись на искусственном интеллекте и цифровой преступности, наносящей самый большой вред обществу.

Молодые юристы, стремясь построить успешную карьеру, опираются на опыт своих известных предшественников. Был ли у Вас такой пример для подражания? Мечтали ли Вы о карьере криминолога?

Криминология для меня — что-то вроде хобби. Я всегда был практическим работником — работал в органах внутренних дел, в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в Конституционном суде РФ. Немного поработал в СМИ и бизнесе. Кандидатскую по оперативным криминологическим исследованиям написал на практике в ГУВД Московской области. Никогда профессионально не преподавал.

Даже когда в 1986 году из ГУВД Московской области перешел во ВНИИ МВД СССР, чистой наукой не занимался. Сначала надо было в составе оперативного штаб МВД СССР разруливать конфликты и нарушения общественного порядка со стороны неформальных групп молодежи. Потом начались межнациональные конфликты в стране, крупные беспорядки. Я был назначен начальником отдела по чрезвычайным ситуациям ВНИИ МВД, который подчинялся непосредственно руководству министерства. Затем — межведомственная спецгруппа по анализу ситуации в горячих точках с докладами членам Политбюро ЦК КПСС, командировки в Нагорный Карабах, Прибалтику, Среднюю Азию. А криминология? Я именно тогда и понял, что вся наша жизнь — криминология!

➤ Пока ни одна система искусственного интеллекта не может близко подойти к тому, что делает человек в экстремальной ситуации.

А потом был 1991 год, ГКЧП. Покойный Б.К. Пуго, тогда министр внутренних дел, отозвал меня из отпуска. Меня от ареста как пособника ГКЧП спасло то, что в Анапе, где я отдыхал с семьей, была сильная гроза, из Краснодарского края самолеты не летали двое суток.

Пока я добирался до Москвы, все изменилось. Через сутки пришел к О.С. Шенину, который был членом ГКЧП, он при мне звонил Д.Т. Язову по поводу вывода войск из Москвы, кричал, что расстреляет маршала. Шенин сказал, что нам с товарищами надо уходить. Когда члены ГКЧП арестовали, а меня объявили во всесоюзный розыск как опасного преступника — путчиста, был фактически на нелегальном положении, жил по поддельным документам в Казахстане. Приехал в Москву, когда все стихло. Пришел сам в следственную группу военной прокуратуры. Допрашивали меня 14 часов без перерыва.

Так получилось, что я остался на свободе. Спас меня друг моего отца и мой друг генерал Сергей Васильевич Дьяков, который был в те дни назначен руководителем аппарата председателя КГБ В.В. Бакатина. Но в МВД никто не хотел меня восстанавливать. Через пару месяцев меня пригласил Евгений Александрович Абрамов — заместитель министра внутренних дел РСФСР — и сказал, что Ельцин назначил его на пост первого заместителя министра внутренних дел РФ, и предложил мне стать его помощником. Я напомнил ему, что нахожусь под следствием, и он ответил, что дело контролирует он, никого из ребят я не сдал.

На следующее утро я приступил к работе помощником

первого заместителя министра. На этой должности подготовил и защитил докторскую диссертацию по проблемам организованной преступности.

В 1995 году министром назначили А.С. Куликова. Он пригласил меня помощником. Помощником министра я был с 1995 до октября 1997 года — курировал криминальную милицию, тогда шла Чеченская война. Затем был назначен начальником Российского бюро Интерпола. Продолжал работать в Интерполе и при С.В. Степашине, который сменил Куликова на посту министра. С этой должности ушел после смены руководства министерства летом 1999 года. Потом работал в СМИ и в большом бизнесе, ОДКБ.

Затем меня пригласил Валерий Дмитриевич Зорькин, и с 2004 до 2011 года я являлся советником Председателя Конституционного суда РФ и в то же время был членом Экспертного совета Комиссии ГД ФС РФ по противодействию коррупции. Когда в 2012 году МВД России возглавил Владимир Александрович Колокольцев, я стал его советником, ответственным секретарем Расширенной рабочей группы по реформированию органов внутренних дел.

Недавно произошла трагедия в Саратове — убийство девятилетней девочки. Люди требовали расправы над преступником...

Самосуд недопустим, но я жесткий сторонник смертной казни, всегда об этом писал. Разговоры о том, что наличие смертной казни не влияет на уровень убийств — вранье. Исследования, которые проводили американцы в 1980–1990-е годы, доказали, что каждая смертная казнь предотвращает десятки убийств и тяжких преступлений.

А как же гуманизм?

Предоставление возможности оставаться живым тому, кто совершил жестокое убийство, не имеет ничего общего с гуманизмом. Карать смертной казнью следует за сознательное убийство людей с пытками и издевательствами, за убийство детей, беспомощных стариков, женщин.

«Эталон демократии» — говорят наши гуманисты о Конституции США, а ведь США — это государство, где все держится на страхе. И там никто не собирается отменять смертную казнь!

В США высок уровень электронного контроля за обществом — действует система «Призма» (это то же, что и система социального рейтинга).

В.С. Овчинский с бывшим министром внутренних дел РФ А.С. Куликовым и заместителем министра внутренних дел РФ В.Н. Кирьяновым

га в Китае), имеется огромный, на 250 миллионов человек, биометрический банк данных. Они знают все и принимают меры, когда человек представляет опасность. Если, например, некто был уличен в педофилии, то, когда он покупает машину, ему выдают номер, который светится особым образом, его не допускают к работе с детьми.

Хочу сказать несколько слов по поводу виктимологии: поведение жертв невозможно оторвать от поведения преступника. Во многом это ответственное разделение — виктимология и криминология, просто больший акцент делается на изучении виктимного качества.

➤ Старая криминология сейчас мертва, она интересна только с позиций исторического анализа.

Можно ли, взглянув на человека, понять, что он способен совершить преступление?

Я с огромным уважением отношусь к Чезаре Ломброзо. Именно он впервые заговорил о преступных типах людей. Он одним из первых применил комплексный метод, предполагающий изучение климатических, географических, социально-экономических, психологических факторов и особенностей наследственности человека. У него не было возможности изучать родственников, он просто рисовал графы на основе родства преступников и выяснил, что в большинстве случаев у них есть наследственные линии с агрессивным и часто преступным поведением — родственники, которые судимы за что-то и даже казнены. Ломброзо был выдающимся врачом, занимался военно-полевой медициной, вскрывал трупы, чтобы лучше изучить мозг человека. Он провел уникальное исследование: сравнил мозг солдат, погибших на войне, с мозгом убийц, а также мозг убийц, которые признаны вменяемыми и невменяемыми. Ломброзо хотел доказать наличие определенных аномалий мозга у преступников. До сих пор ничего подобного не было сделано ни в одной стране.

Почему Чезаре Ломброзо так ненавидели в СССР? В своей гениальной работе «Анархисты» он описал типы революционных деятелей как аномальных людей. Некоторые советские вожди увидели себя в этой книге и предали Ломброзо анафеме.

Выступление В.С. Овчинского на конференции ОБСЕ «Искусственный интеллект и полиция». Вена, 23 сентября 2019 г.

Можно с помощью инновационных технологий определить, совершил ли человек преступление? И способен ли совершить?

Используя современные технологии, связанные с искусственным интеллектом и большими данными, это можно определить по совокупности признаков. Сегодня огромные массивы информации интегрированы при помощи специальных программ. Это, например, данные обо всех осужденных, о преступлениях и преступниках, которые пропускают через себя алгоритмы. К примеру, пропустили 100 тысяч человек, которые совершили преступления. Потом подобным образом анализируются данные любого человека, определяется, способен ли он на преступление, и у вас формируется версия, основанная на исходных данных и определенных закономерностях. Люди ведут себя по-разному, но в этом разнообразии есть известные закономерности.

Если вы пользуетесь Интернетом, о вас там имеются данные: вы где-то учились, где-то лечились, у вас есть друзья детства, сексуальная ориентация, интерес к наркотикам, сценам насилия, извращений, мучениям животных, способам совершения преступлений и так далее. Даже если вы вне Интернета, все равно о вас можно узнать многое, а потом по поисковым признакам и с помощью специальных приложений типа *Palantir* накручивать и вытаскивать личностную информацию.

Сейчас в мире набирает популярность предиктивная аналитика — прогноз поведения на основе больших данных и искусственного интеллекта. Думаю, что с помощью такого метода криминологи и должны определять степень веро-

ятности совершения преступлений конкретным человеком. Кстати, в ряде стран он уже положен в основу решений об условно-досрочном освобождении или неосвобождении осужденных за конкретные преступления.

Можно ли использовать инновационные технологии для совершения противоправных деяний? Человеческий ум — это вселенная. Ум опытного следователя всегда должен работать на опережение, чтобы обыграть ум изощренного преступника. Пока ни одна система искусственного интеллекта не может близко подойти к тому, что делает человек в экстремальной ситуации.

Любую науку можно использовать для совершения противоправных деяний. Современные технологии являются технологиями тройного назначения и используются, во-первых, для развития, во-вторых, для достижения военных целей, в-третьих, для достижения криминальных целей.

Современный мир во многом криминальный. Произошло размывание понятий: если не знать криминологию, трудно понять многие политические процессы. Возьмите события в Сирии и Ираке — тут невозможно разорвать криминальные, политические и социальные аспекты. Война приносит сверхдоходы и всегда сопряжена с преступлениями.

С.С. Овчинский (отец В.С. Овчинского) — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник МВД СССР, основоположник теории оперативно-розыскной деятельности

➤ Главной проблемой криминологии остается проблема соотношения социального и биологического в преступном поведении.

Каковы тенденции развития криминологии?

Старая криминология сейчас мертва, она интересна только с позиций исторического анализа. В каком направлении двигаться? Я издал экспериментальный учебник «Криминология цифрового мира». Это одно направление. Криминология связана с криминологией организованной преступности — ее невозможно изучать без знания геополитики, экономики, международного права и географии. Это второе направление. Ведь нет, например, чисто террористических организаций. Что такое «Аль-Каида» или ИГИЛ? Они созданы спецслужбами, с одной стороны, для достижения политических целей с помощью террористических методов, а с другой — для получения сверхдоходов, для ухода от налогов с использованием офшоров. Это система теневой экономики, то есть организованная преступность, которая, согласно определению ООН, представляет собой получение доходов и сверхприбылей с помощью коррупционных схем и насилия, в том числе террористического. Третье направление — это развитие криминологии на основе фантастических достижений в сфере генетики и биотехнологий. Несколько лет назад я издал книгу «Криминология и биотехнологии», но это поверхностный набросок того, что следует изучать, потому что главной проблемой криминологии остается проблема соотношения социального и биологического в преступном поведении!

А искусственный интеллект могут использовать абсолютно все?

Да, все. В условиях социального неравенства, которое есть во всем мире, повышенной конфликтности и постоянных экономических кризисов традиционная преступность связана с насилием, кражами, маргинализацией, сексуальными отклонениями, то есть со всеми возможными типами девиации. Традиционная преступность — это снежный ком, катящийся с горы, который будет нарастать, но при этом прорастать цифровыми нитями. Однако самый большой вред наносит цифровая преступность, она наиболее опасна, так как порождает социальное неравенство. Тут огромный ресурс ра-

боты и изучения для криминолога. Но у нас практически нет ученых, которые способны осознать эту ситуацию. Авторы работ по большей части цитируют друг друга. Один на тысячу работает с зарубежными информационными базами. Мы не умеем пользоваться тем, что есть в открытом доступе. Используй Яндекс-переводчик или Google-переводчик, переводы бесплатно, но мало кто это делает, ни молодые, ни «маститые» — неинтересно.

Классики, не принимающие новшества?

Не принимают, не хотят принимать. Я редко хожу на криминологические конференции. Зачем? Чтобы в очередной раз услышать банальные истины? Мы с Еленой Лариной выпустили книгу «Криминал будущего уже здесь», где анализируем книгу американского ученого, практика спецслужб Марка Гудмэна «Преступность будущего», которая вышла в 2015 году. Но наши ученые-криминологи до сих пор не поняли опасности технологической преступности, ничего о ней не знают. Да Вы можете судить об этом по своим преподавателям. Кто из них знает о такой преступности? Никто!

Существует мнение о том, что во многих преступлениях ключевым фактором является именно виктимность женщины.

Полный бред! Один человек с юмором в ответ на это заметил: каждая красивая женщина виктимна от рождения. Человек — наполовину животное, наполовину социальное существо. Каждый мужчина смотрит на женщину как на средство размножения, так же, как кот смотрит на кошку, тут никакой разницы нет. Если мужчину привлекает внешний вид женщины, ее запах, то он желает ее обладать. Тот, кто владеет системой социальных координат, найдет цивилизованный способ установить контакт, а человек, психически предрасположенный к агрессии, прибегнет к насилию.

Можно ли избавиться от латентности?

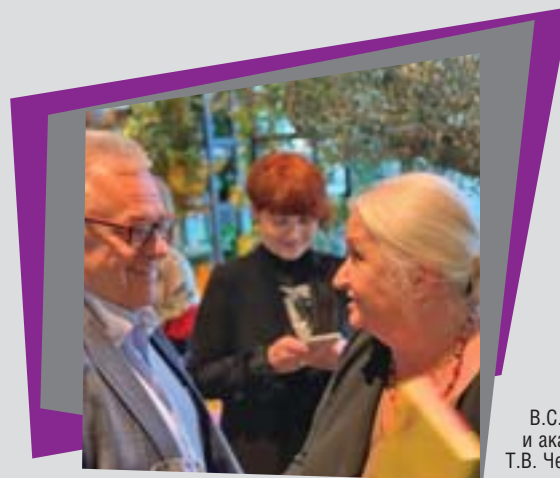
Латентность бывает двух видов: реальная, когда общество, государство не знает о преступлении — пострадавший не заявил, не найден труп, изнасилованная женщина не сообщила о насилии в органы правопорядка, и мнимая, которая связана с различными скрытыми факторами.

Статистика преступности, которая обнародуется, — это искаженная картина преступности. Преступлений у нас совершается в разы больше, чем регистрируется официально. И это не только мелкие преступления, но даже убий-

ства. В РФ не уменьшается число людей, пропавших без вести, в том числе детей и тех, кто исчезает после заключения сделок. Я уже не говорю о медицинской статистике: регистрируется смерть от удара тупым предметом, но при этом ничего не говорится о том, что она наступила в результате нанесения тяжкого вреда здоровью.

Преступления в результате манипуляций — это чисто политическое явление. Пока мы не откажемся от идеологического штампа о том, что жизнь с каждым днем становится все лучше и веселее, что у нас все хорошо и замечательно, будут искажения в статистике. ■

ПЭС 19096 / 28.10.2019

В.С. Овчинский
и академик РАН
Т.В. Черниговская

В.С. Овчинский
вручает свою
книгу об
искусственном
интеллекте
и преступности
академику РАН
К.В. Анохину,
одному из
главных мировых
специалистов
в области
искусственного
интеллекта